

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-5-16

КАВКАЗ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ВДОХНОВЕНИЯ Ю.А. ЖДАНОВА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ Ю.А. ГВОЗДАРЕВА

Людмила Борисовна Савенкова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
savenkova@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2637-679X>

Аннотация. 110-летие Южного федерального университета (ЮФУ) – своеобразный повод осмысления роли ученых, своей деятельностью способствовавших реализации его эволюционирующей миссии. Базой для ЮФУ послужил старейший на Северном Кавказе вуз – Ростовский государственный университет, который во второй половине XX в. выполнял роль объединяющей силы в деятельности ученых Юга страны. В статье рассматривается вклад в этот процесс Ю.А. Жданова как писателя-публициста и культуролога и Ю.А. Гвоздарева – как лингвокультуролога.

Ключевые слова: 110-летие Южного федерального университета, Кавказ, Юрий Андреевич Жданов, культурология, «Диалоги с природой», Юрий Анатольевич Гвоздарев, лингвокультурология, «Пригоршня жемчужин»

Для цитирования: Савенкова Л.Б. Кавказ как предмет философского вдохновения Ю.А. Жданова и лингвокультурологического осмысления Ю.А. Гвоздарева // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 5–16.

doi 10.18522/2072-0181-2025-124-5-16

THE CAUCASUS AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL INSPIRATION FOR YU.A. ZHDANOV AND LINGUOCULTUROLOGICAL INTERPRETATION FOR YU.A. GVOZDAREV

Liudmila B. Savenkova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
savenkova@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2637-679X>

Abstract. The 110th anniversary of Southern Federal University (SFU) provides a unique occasion to reflect on the role of scholars whose work furthered the university's evolving mission. SFU was built upon the oldest university in the North Caucasus – Rostov State University – which, in the latter half of the 20th century, served as a unifying force for scholarly activity in the country's South. This article examines the contributions of Yu.A. Zhdanov, a writer-publicist and culturologist, and Yu.A. Gvozdev, a linguoculturologist, to this process.

Key words: 110th anniversary of Southern Federal University, Caucasus, Yuri Andreevich Zhdanov, culturology, «Dialogues with Nature», Yuri Anatolevich Gvozdev, linguoculturology, «A Handful of Pearls»

Original article

В 2025 г. Южный федеральный университет – правопреемник Ростовского государственного университета – отметил свое 110-летие. Каждая «круглая» дата университета – повод оценить место и роль в его деятельности ученых, составляющих его славу. Не только России но и зарубежью известны многочисленные имена ростовских исследователей, трудившихся в разных областях знания: биохимик, психиатр А.И. Ющенко, биолог, основоположник вирусологии Д.И. Ивановский, физиолог А.Б. Коган, физик М.А. Блохин, математики Д.Д. Мордухай-Болтовской, В.И. Юдович, И.И. Ворович, философ, теоретик культуры М.К. Петров, историк А.П. Пронштейн, филологи С.И. Вехов, А.Н. Савченко, М.К. Милых... Перечислять эти имена можно долго, и каждое из них заслуживает глубокого внимания, при этом и размышления об отдельных ученых могут быть совершенно разными в зависимости от того, на какой стороне их творческой деятельности будет сделан акцент.

Для жителей Ростова-на-Дону привычно именовать свой город «воротами Кавказа». Как отмечено на официальном портале Правительства Ростовской области [1], впервые таким перифразом маркировал его П.И. Геббельс, прекрасно осознававший стратегическую роль города как крупного транспортного узла, открывавшего немецко-фашистской армии путь на Кавказ и в Закавказье. К счастью, воспользоваться этими «воротами» врагу не удалось. Занявший Ростов 21 ноября 1941 г., уже через восемь дней он был выбит оттуда советскими войсками и отброшен более чем на 60 километров на запад [2]. Нацисты ушли, а вот удачная характеристика – *ворота Кавказа* – закрепилась в употреблении, подчеркивая тесную и прочную связь этого города с Кавказом как особым локусом нашей планеты.

Бесспорно, не только своеобразие географического положения Ростова-на-Дону, а и его весомость как промышленного, культурного и, конечно же, научного центра на Юге страны сделали высокой его значимость в упомянутом пространстве. Естественно, что ответственная роль объединителя интеллектуальных сил поли-

этнического региона должна была быть отведена его старейшему вузу.

Университет – это не только обучающиеся, но и те, кто должен сформировать из них специалистов. От того, насколько обучающие понимают важность стоящих перед ними профессиональных задач, насколько увлечены своим делом и насколько равнодушны к своей земле и живущим на ней людям, зависит, способен ли университет выполнять интегрирующую функцию.

Разумеется, каждый такой увлеченный и неравнодушный человек идет собственным неповторимым путем, особенности которого зависят и от склада его характера, и от того, какую науку он избрал делом жизни.

В настоящем небольшом исследовании речь пойдет о двух достойных представителях Ростовского государственного университета, чья деятельность формально лежала в разных сферах, что, однако, совсем не мешало им участвовать в процессе гуманитарного объединения научных усилий вузов Кавказа. Имена этих ученых – Юрий Андреевич Жданов (1919–2006) и Юрий Анатольевич Гвоздарев (1925–1997). Первый – философ и химик, второй – филолог-руссист. Казалось бы, сложно найти точки соприкосновения в обращении к их работам. И все же такие точки отыскиваются без труда: оба уделяли значительное внимание Кавказу, его культуре и картинам мира кавказцев. Только подход Ю.А. Жданова можно оценить как общекультурологический, а подход Ю.А. Гвоздарева – как лингвокультурологический. Рассмотрим их поочередно.

Ю.А. Жданов на протяжении трех десятилетий был ректором Ростовского государственного университета и, находясь на этом посту, стремился помогать развитию и укреплению действовавших вузов Кавказа и открытию новых. Масштабность мышления делала очевидной для него, как философа, истину о важности сохранения культур всех этнообъединений, сосуществующих в рамках одного государства. Он горячо поддерживал концепцию культуры В.И. Вернадского: «Замечание о роли “неисторических” народностей заслуживает особого внимания. Оно направлено против культурного

шовинизма так называемых великих наций, призывает к бережному и рачительному отношению к культуре самых малых народностей. Интернациональная культура человечества не высасывается из пальца, она складывается из многоцветья национальных культур и традиций, заимствуя всё ценное, значимое, своеобразное. “Неисторические” прежде народности, поднимаясь к историческому творчеству, отнюдь не обречены раствориться, расплыться в штампах абстрактно-всеобщей массовой культуры, напротив, перед ними открывается возможность создания новых своеобразных национальных форм в сфере художественного, нравственного, экологического и социального творчества» [3]. С использованием нынешней терминологии в 2023 г. на форуме «Большой Кавказ» роль Ю.А. Жданова в интеграционной деятельности университета была охарактеризована так: «Для Южного федерального университета Кавказ имеет огромное значение, в 60-е годы ректор университета Юрий Андреевич Жданов строил то, что сейчас мы называем сетевым взаимодействием. И сегодня мы активно сотрудничаем с вузами, научными организациями Северного и Южного Кавказа. <...> наш университет <...> видит свою жизнь, научно-технологическое и культурное развитие совместно с Кавказом» [4].

Как отмечают многие близко знавшие Ю.А. Жданова люди, культура и природа Кавказа составляли его «особую любовь» [5, с. 5]. Ю.Г. Волков подчеркивает, что в многочисленных путешествиях по Кавказу ученого всегда отличало стремление «постичь его “genius loci” (“местный дух”）」 [5, с. 6]. Заметим, кстати, что С.А. Кислицын, опубликовавший в 2024 г. статью о личности Ю.А. Жданова, считает правомочным применить ту же номинацию по отношению к самому ученому, поскольку, на его взгляд, *гений места* «в современном прочтении – это творец, чья жизнь, работа и произведения связаны с данным местом и могут служить частью его образа. Выражение применяется к человеку, ревностно оберегающему неповторимую атмосферу места» [6].

Если можно так выразиться, осмысление сути Кавказа и его значимости для нашей страны у Ю.А. Жданова было междисциплинарным, поскольку в его апелляциях к концепту «Кавказ» обнаруживаются и собственно философский, и естественно-научный, и экономический, и гуманитаристский подходы. Оставив в стороне профессиональную деятельность Юрия Андреевича как химика, философа, ректора университета,

обратимся к иной его ипостаси – писателя (публициста и одновременно лирика), т.е. постараемся выявить, как все перечисленные ракурсы взглядов Ю.А. Жданова реализовались в его художественно-публицистических миниатюрах, опубликованных в сборнике «Диалоги с природой» [7].

Желание автора привлечь к Кавказу пристальное внимание читателя приводит к тому, что он для начала хочет просто погрузить его в сами местные реалии. Поскольку Ю.А. Жданов был активным туристом и альпинистом, он и создавал такие конкретные зарисовки, в которых транслировал личностные впечатления от своих походов и поездок по Кавказу, переплетая сведения о геологических, топографических, топонимических, биологических фактах с информацией этнографического, фольклорного, историко-культурного плана и сопровождая все это эмоционально окрашенными эстетическими, а порой – объективно отстраненными философскими комментариями. Такая манера повествования формирует у читателя впечатление, будто он сам находится подле повествователя то в самолете, то в автомобиле, то на пешей кавказской тропе. Рядом с топонимами, выступающими в роли общих географических ориентиров (*Осетия, Западный Кавказ, Нальчик, Эльбрус, Казбек, Тбилиси* и др.), появляются микротопонимы, вводимые не как метки местонахождения, а как маркеры, по которым адресат речи должен запомнить конкретные уголки Кавказа и осознать, как они привлекательны, интересны и насколько они могут быть источниками насыщенных впечатлениями событий.

К примеру, в этюде «Над Кавказом» Ю.А. Жданов передает свои воспоминания, возникшие у него при перелете из Ростова-на-Дону в Тбилиси. Начиная зарисовку описание вида из иллюминатора динамично, чему способствует последовательное перечисление сменяющих друг друга действий (большинство из них представлено глаголами совершенного вида) и проплывающих перед взором автора картин: «ИЛ-18 *стартовал* из Ростова в Тбилиси *в плотном тумане* и, *прорвав* его липкую завесу, долго *набирал высоту* над бескрайними белыми полями облаков. В полосе предгорий облака *поредели*, а в разрывах *показались* лесистые долины, и вдруг в ослепительном сиянии солнца *встал* перед нами *Главный Кавказский хребет*. Грозное зрелище снежных куполов, черных провалов, бездонных пропастей и шершавых скалистых пиков захватывало так сильно, что трудно было в

первые минуты сообразить, что за *вершины*, что за *реки открылись* нашим *взглядам*» [7, с. 31]. Выбор сказуемых позволяет автору использовать незаметное, но действенное олицетворение: пейзажи оживают, они приобретают самостоятельность, демонстрируют себя подобно людям: *показались долины, встал <...> хребет, вершины, реки открылись*.

Описание наполнено не только изобразительными определениями (*белые поля облаков, лесистые долины, снежные купола, скалистые пики*), но и разнообразными выразительными средствами, удерживающими интерес читателя. Так, повествователь наравне с лексикой, создающей геометрию пространства (*набирал высоту, над бескрайними полями, в полосе предгорий, в разрывах* *показались <...> долины, встал <...> хребет, снежных куполов, черных провалов*), подключает субъективное восприятие времени (*долго* *набирал высоту, вдруг встал*); наряду со зрительными индивидуальными ощущениями, возникающими за счет гиперболизации (*над бескрайними <...> полями, в ослепительном сиянии, бездонных пропастей*), Ю.А. Жданов обращается к синестетической метафоре. Он прибегает к описанию зрительных впечатлений через образы тактильных ощущений: *в плотном тумане, липкую завесу, шершавых скалистых пиков*. Все это дает адресату текста возможность понять внутреннее состояние наблюдателя, чувственное восприятие которого в этот момент не позволяет ему переключиться на волну рациональности. Он не случайно выбирает не нейтральный глагол *понять*, а разговорный *сообразить* ‘понять, осознать, разобраться в чем-л.’ [8]. Выбор сигнализирует о том, что автор выступает здесь не как ученый, а как обычный путешественник. Жданов как бы говорит, что те же эмоции, несомненно, испытал бы и адресат речи, если оказался бы на его месте.

Затем автор сообщает о всплеске положительных эмоций и его причине. Он чувствует себя счастливым, так как понимает, что погружается в давнюю мечту, видит «счастливые ориентиры: слева – конус Казбека, с правой стороны – пирамиды Эльбруса <...> вершины, о которых мечталось в юности» [7, с. 31], и начинается своеобразное «приближение» картинки – ознакомление читателя с тем, что ему, вернее всего, неизвестно, но, с точки зрения повествователя, явно заслуживает внимания. Наблюдатель не старается быть бесстрастным, напротив, лаконичный перечень деталей насыщен эпитетами, метафорами, олицетворениями: «Прямо под

нами – Безенгийский ледник, *шеренга грозных* *пятитысячников*: Шхара, Дыхтау, Каштантау; вдали – *великолепная двурогая* Ушба, скалистая *пила* Шхельды, *белый бешимет крестообразных* ледников Донгуз-Оруна» [там же]. Наконец автор поднимается на новую ступень интимизации. Если о покорении больших вершин он говорит лишь как о мечте юности, о том, о чем «складывали и передавали из уст в уста альпинистские легенды» [там же] многие, то теперь он показывает читателю «что-то очень знакомое и родное: небольшой снежный куполок» [там же], сообщает его «негромкое имя – узловая вершина Юсеньги-баши» [7, с. 32]. И снова адресат сталкивается с эмоциональной оценкой места. Ю.А. Жданов, как выясняется, поднимался на эту вершину в студенческие годы вместе с друзьями, и эту ситуацию он тоже оценивает как счастье (*посчастливилось побывать*). Несмотря на то, что после описываемого события прошло шесть десятков лет, оно остается ярким и свежим в памяти автора и обрисовывается так, будто произошло только что. Желание показать мощную, яркую, необыкновенную красоту места, которое издали видится всего лишь *небольшим снежным куполком*, заставляет автора насытить текст колоризмами (*черные тени, лиловые реки*), прибегнуть к метафорическому описанию игры света и цвета через образы драгоценных камней (*солнечный свет проникал в льдины и струился наружу изумрудными потоками, небо играло в разломах льда сапфировыми гранями*), вновь обратиться к геометрии пространства (*окольный путь по крутому контрфорсу, пробивать узкую траншею, по фантастическим лабиринтам ледника Ах-Су*), дать услышать звуки присутствия человека (*похрустывание* предутренного ледка), включить обрисовку сплава физических и эмоциональных впечатлений от подъема и спуска: *веселый снежный купол вершины и головокругительный спуск* [там же].

Об уверенности повествователя в том, что все это стоит увидеть воочию, говорит завершающая этюд фраза: «Хорошо взлететь над величественными горами, да лучше самому пройти весь каменистый путь к их вершинам» [там же].

Смысл данного высказывания, думается, не стоит сводить только к восторженному отношению Ю.А. Жданова к кавказской природе. Поставленная в сильную текстовую позицию – конца текста, фраза претендует на роль двуслойной сентенции. С одной стороны, это утверждение того, что только личное участие в любом деле может дать человеку узнать его сущность. С дру-

гой же – призыв к осознанию того, что пристальное детальное внимание к Кавказу позволит ощутить его значимость и ценность в масштабах государства.

Подобные зарисовки можно обнаружить в большинстве миниатюр из ждановских «Диалогов о природе», и все они проникнуты любованием Кавказом. Но чаще такие описания используются автором не как лирические картинки, а как отправная точка для размышлений об экологии, истории, культуре, сосуществовании различных этносов, а также об общечеловеческих ценностях.

Интересно, что осмысление важных в философском, этическом и эстетическом планах идей часто протекает в сознании Ю.А. Жданова тогда, когда он перемещается в пространстве. Его сознание не ищет отдохновения, любое наблюдение вызывает у него эмоционально окрашенную аналитику.

Так, в крохотной, всего в десять предложений, зарисовке «Кинжал» Ю.А. Жданов предлагает проехать той дорогой, которая соединяет Минеральные Воды со Ставрополем и Таманью. В свое время, отмечает он, путешествовали здесь Грибоедов, Лермонтов, и их взору представляла небольшая гора Кинжал. Жданов пишет о ней так: «Путника <...> встречал *гордый и верный* страж – гора Кинжал. <...> на глади степи выглядел *красавцем. Изящный, остроконечный* – подлинный кинжал – олицетворение и символ *свободолюбивого* Кавказа» [7, с. 66]. Как можно заметить, каждое прилагательное здесь несет заряд положительной оценки и связывает изображение пространства с общей чертой кавказских народов – их свободолюбием.

Далее в этюде повествуется о человеческом факторе, влияющем на окружающую среду. Теперь автор нарочито бесстрастно излагает факты, отодвигая в сторону чувства и оставляя только прагматическую мотивацию хозяйственной деятельности (и в этой части текста отсутствуют элементы образительности и выразительности): «<...> пришли строители, чтобы расширить аэропорт. Гора мешала самолетам при заходе на посадку, а строителям нужен был камень для возведения здравниц» [там же]. Все оказывается подчиненным жесткому расчету: если гора мешает, а еще и может служить строительным материалом, ее надо использовать по назначению. Для Ю.А. Жданова же такой поход неприемлем. Акт разрушения Кинжала он воспринимает как смерть живого существа – *красавца, стража*. Поэтому автор оценивает дейст-

вия местных властей по отношению к горе фразой: «*И судьба Кинжала свершилась*» [там же]. Последствия этих действий описаны в словах, создающих негативный образ изуродованного и оскверненного то ли места, то ли существа: «Сейчас здесь невысоко над степью поднимается *грязный, сплюснутый* холм. Он *изгрызен* экскаваторами, *изрыт* бульдозерами, *завален* кучами каменного мусора и *иссечен* кривыми шрамами дорог» [там же].

Завершающее зарисовку предложение эксплицирует отношение культуролога к бездумности прагматиков, уничтоживших то, что на протяжении столетий представляло символом свободолюбия, вместо того, чтобы найти решение, которое позволило бы сохранить природный феномен: «*И ничего он уже не напоминает*: ни Кавказ, ни свободолюбивых горцев, ни русских путешественников, отдавших здешним местам свое сердце, но *рождает чувство вины и стыда*» [там же]. Так финансово-хозяйственный факт рассматривается под углом локальной культуры и общечеловеческой этики.

Еще один этюд, «Степные маки», излагает мысли автора, возникшие у него по дороге в Ставрополь. Начало текста настраивает на понимание того, что в мире все меняется и невозможно остановить процессы, которые по их последствиям сложно оценить однозначно.

Повествователь как будто и сожалеет о том, что южная степь, воспринимаемая им как живая, теряет очарование природной красоты и свежести. В тексте возникает антитеза, реализуемая в двух последовательно расположенных абзацах и показывающая резкие изменения в естественной среде. То, что было, оценивается эпитетами *сказочно праздничный, нарядный, многоцветный, багряный, седой, безбрежный, пунцовый*. В сегодняшней обстановке эта красота вынуждена *затеряться, быть оттесненной, ютиться*, ср.: «Когда-то предкавказские степи носили *сказочно праздничные одеяния*: то вдруг они *вспыхивали* многоцветными тюльпанами, потом *загорались* багряными маками, то становились *седыми* от безбрежных ковылей. Теперь *нелегко* найти участки с первозданной степной растительностью. Они *затерялись* между рукавами и лиманами Маныча, по балкам и *неудобным буграм*, где можно еще встретить и ковыль, и типчак, и *нарядный* тюльпан. <...> к невидимым предгорьям <...> к придорожной черте <...> *были оттеснены* теперь пунцовые степные маки. Они *ютились* по обочинам» [7, с. 48].

С другой стороны, Ю.А. Жданов признает, что это наступление человека на природу закономерно: современная жизнь требует освоения пространства. И эту, новую жизнь автор описывает без неприятия, как «многообразную, многоликую, непрестанную» [там же], так же, как и к природе, применяя к ее деталям прием олицетворения, ср.: «*Забавным горбуном промчался “Москвич” <...> Огромный белый холодильник Межавтотранса степенно вез на север не то свежую рыбу, не то первую клубнику. Цугом пронеслись пестрые, разукрашенные живыми и бумажными цветами “Волги” с сосредоточенными молодоженами и захмелевшими гостями <...> поближе к месту работы перебирался <...> комбайн*» [7, с. 48–49]. Данный фрагмент текста помогает оформить вторую антитезу: природное противопоставляется культурному (в широком смысле – как результату деятельности людей).

Прочтение этой части этюда, на первый взгляд, воспринимается как простое признание текучести бытия. Что-то уходит, исчезает, на смену ему приходит новое. Все закономерно.

Однако уже начало следующего абзаца проявляет нотку тревоги философа-культуролога, о которой свидетельствует вроде невзначай брошенная ремарка, где описание дороги уподоблено траурной ленте: «*Но что-то беспокойное пробуждала в душе черная лента, окаймленная алыми маками*» [там же]. Что боится «похоронить» автор? Продолжение абзаца пунктирно высвечивает исторические факты, указывающие, что каждый, по первому осмыслению, самый обычный локус может хранить в себе свидетельство о значимых для нашей страны событиях и не менее значимых их участниках. Здесь это память о Марии Темрюковне, второй жене Ивана Грозного; о Шамиле, имаме Северо-Кавказского имамата; о писателях А.С. Грибоедове и М.Ю. Лермонтове; о декабристах: «*<...> покидала по этой дороге родную Кабарду Мария Темрюковна, чтобы никогда больше не увидеть своих жемчужных гор. Шелестели ковыли о пленном имаме, гонимом в далекую северную ссылку. Ехал здесь на погибель свою мудрый и печальный насмешник Грибоедов, в безвозвратную солдатчину уходили декабристы. Жаворонки в небе пели прощальные песни, провожая возок с телом поручика Лермонтова...*» [7, с. 49].

Заключительный, очень лаконичный абзац – «*Все это было, и об этом не дают забыть красные маки, оттесненные новой жизнью в полосу придорожного отчуждения*» [там же] – как будто и настраивает на то, что прошлое остается

в нашей памяти (маки не дают забыть!). И все же возникает ощущение, что повествователь *беспокоится*: не забыли бы потомки об изломах своей истории, не вытеснила бы из памяти повседневная суэта и постепенно наступающая глобализация то, что веками способствовало формированию и нашей государственности, и нашей идентичности, как оттесняет на обочину дороги алые маки входящий в современность научно-технический прогресс.

Как ученый, не только руководитель Ростовского государственного университета, но и глава Северо-Кавказского научного центра высшей школы, Ю.А. Жданов не мог не признавать неизбежности и значимости этого прогресса. Но в то же время он понимает и определенные негативные его последствия. Недаром для одного из своих этюдов он выбирает название «Столкновение эпох». Вновь перед читателем путевая зарисовка, теперь в поле зрения культуролога – Дагестан. Он предпочитает резкую характеристику (*столкновение*), хотя, как кажется, мог бы воспользоваться более мягкими, наподобие *смены* или *перехода*. Ученый подчеркивает сплав контрастов, которыми наполнены и природа, и сама человеческая жизнь этого локуса: «*Не только хребты столкнулись* в Дагестане, рождая пропасти и вершины, сотрясая землю глубинными толчками. *Столкнулись*, сплелись в противоречивом единстве горы и моря, леса и пустыни, а главное – *эпохи, традиции и люди*» [7, с. 58]. И вся дальнейшая ткань этюда показывает, как удивительно уживаются несовместимые, на первый взгляд, вещи: «средневековая крепость Дербента» и – дома, оснащенные солнечными батареями, «холмы, изрезанные террасами древних земледельцев» под Ботлихом и – горянки, монтирующие «тончайшие электронные приборы», «инкрустации по дереву» – один из древнейших народных промыслов Унцукуля и – «генераторы Чиркейской ГЭС», «дикие ущелья Андийской Кой-Су» с аулом, «где и ноги не поставишь из-за крутизны склонов», и – ретрансляционная вышка, позволяющая в этом ауле смотреть телепередачи [см.: 7, с. 58–59]. Автор делится с читателем противоречащими друг другу чувствами, которые у него вызывает соединение несоединимого, это чувства опасности и надежды. Его страшит способность прогресса нивелировать этническую самобытность населения Дагестана. И все же повествователь не теряет «надежды на то, что разум умело соединит седые традиции с неукротимым стремлением к новому» [7, с. 59].

От созерцания живой природы Кавказа в своих лирических зарисовках Ю.А. Жданов часто переходит к фольклору, который становится у него поводом к философским размышлениям. Например, в первой части небольшого произведения «Триптих» («Ингушский мотив») он пересказывает местную притчу, которую – вновь в дороге – поведал ему некий ингушский ученый. В ней передается диалог отца и сына. Отец предлагает сыну сорвать яблоко, разрезать его, достать семечко и рассмотреть, что в нем сокрыто. Когда же сын заявляет, что не увидел ничего примечательного, отец в форме вопроса наталкивает его на мысль о том, что из такого крохотного семени вырастает «могучая цветущая яблоня, вечная жизнь, которая <...> даст тень и плоды» [7, с. 53]. Никак не комментируя эту притчу, автор переходит ко второй части под названием «Отзвук древних Упанишад», где излагает аналогичную притчу, но уже сообщаемую, как он отмечает, «древними ариями» и так же, как предшествующая, повествующую о величии и вечности жизни, возникающей от крохотного начала – семени смоковницы – и являющей собой «основу всего сущего» [7, с. 54]. В третьей части – «Старый вопрос поэта» – философ цитирует Валерия Брюсова, называющего наш народ великим и упоминающего об общности разных этносов, о том, что русский язык восходит к тем же корням, что и санскрит. «Триптих» завершается оценочным абзацем-выводом: «И как хорошо чувствовать, что санскриту близки не только русские понятия, но и мудрые вайнахские легенды. *Общие корни у культуры всех народов*» [7, с. 55]. В этом выводе Ю.А. Жданова звучит отчетливая аргументация того, что горским народам присущи те же мысли, стремления, ценности, что и русскому народу, и, стало быть, все этнические объединения Кавказа, включая русское, несмотря на внешнее своеобразие их культур и языков, должны быть едины.

Идея братства народов Кавказа, включая и русский, многократно звучит в рассматриваемом сборнике. В частности, в этюде «Автарха – сын Дибы», любясь живописными видами при проезде через Дагестан в Чечню, Ю.А. Жданов замечает то как «сверкающим лезвием горный поток прорезал горы, обнажив могучие пласты пород, на которых чудом ютились будто прилепленные аулы», то как «с перевала открылось зажатое высокими холмами озеро Кезеной-Ам» (это «Андийский хребет оберегает его покой и защищает от туч») [7, с. 60]. Восхищение Кавказом передается, как и в других этюдах, через

образные сравнения, метафоры, олицетворения. Но не только о природе думает автор во время путешествия – он вспоминает о взаимодействии людей, принадлежавших к разным народам и не ощущавших от этого никакого дискомфорта. В конце XIX в. эти места исследовал основоположник почвоведения Василий Докучаев, в 60-е годы XX в. на этом озере бывал космонавт Владимир Комаров, у которого, как подчеркивает Жданов, было много чеченских друзей. От этих реальных воспоминаний культуролог выстраивает мостик к чеченской балладе о Автархе из эпоса «Илли». Сжато излагая сюжет баллады, в которой «прекрасный и умный» чеченский юноша Автарха, несправедливо изгнанный из своего селения князьями (бяхчи) встречается с русским парнем, которого преследуют «царские сатрапы» (несколько ниже автор их также называет *бяхчи*, чтобы подчеркнуть: корень зла в общей социальной несправедливости, а не в этнических различиях). В жизненных перипетиях рождается и крепнет их дружба, а помощь им оказывают то калмыки, то татары, то грузин. Жданов эмоционально оценивает балладу как «удивительную по своей душевной теплоте и пронзительности, западающую в душу, в сердце, в каждый нерв» [7, с. 61] и завершает этюд призывом не забывать об Автархе и его друге как о примере того, что никакие этнические различия не могут быть препятствием для искренних и прочных человеческих связей.

Конечно, такая зарисовка не случайна. В полиэтническом регионе легко вспыхивают и порой долго не прекращаются распри на национальной и религиозной почве. Жданову это было известно не понаслышке. Поэтому он многократно возвращается к теме вражды и дружбы соседствующих народов. Так, в зарисовке «Дела петушины» он излагает незатейливую историю ссоры двух соседей из-за крикливого петуха, принадлежавшего одному и мешавшего спать другому. Не сумев уговорить хозяина петуха избавиться от источника шума, сосед сам зарезал птицу. Повествователь далее сообщает о непоправимых последствиях этого опрометчивого, хотя в целом как будто и незначительного поступка: он привел к кровной вражде, растянувшейся на 200 лет. И Жданов с недоумением задает риторический вопрос: «Не лучше ли было – крикливого петуха в общий суп враждовавших соседей?» [7, с. 64]. В этой зарисовке отчетливо ощутим ее притчевый характер. Не стоит мелкая распря, нежелание поступиться мелочами множества безвинных человеческих жертв.

Мысль о печальных последствиях распада единого мощного государства, особенно заметных на Кавказе, в этом «солнечном сплетении Евразии» [9, с. 25], мучительна для автора. В этюде «Дружба высот» он пересказывает грузинское предание, услышанное им, кстати, не от грузина, а от «мудрого аварца Расула Магомедова». По этому преданию, «все народы Кавказа происходят от правнука Ноя Торгамоса, который жил на склонах Арарата» [7, с. 93]. Далее автор упоминает мифы и легенды народов Кавказа, в которых по-разному именуются Эльбрус и Казбек и по-своему трактуются этимологии этих топонимов. Ю.А. Жданов намекает на то, что все эти мифы и легенды имеют одинаковое право на существование, ведь на деле все они именно мифы и легенды. Важно совсем иное: если даже древние горы, принадлежащие сейчас территориям разных стран, так мудры, что не враждуют друг с другом, то надо и владеющим ими народам находить общий язык. Делает он это, цитируя стихотворение армянского поэта Ованеса Туманяна, в котором именно горы и призывают людей жить вместе, поскольку сами они «встречают дружбу высот». Свое размышление философ заканчивает вопросом: «Дружба высот... Поднимутся ли до нее люди?» [7, с. 94]. В нем соединены страдание и снова – надежда.

Итак, в художественно-публицистических миниатюрах Ю.А. Жданова проявляется его мышление философа и культуролога, понимающего и ценность Кавказа как богатейшего поликультурного региона, и его исключительность, и его же уязвимость, вызванную именно смешением разных культур. Ю.А. Жданов не может не восхищаться Кавказом, всем сердцем любит его и хочет поделиться этой любовью с читателем. Отсюда и многообразие аспектов, в которых предстает Кавказ в «Диалогах с природой». К чему бы ни обращался Ю.А. Жданов, он обязательно включает и пласт культурологической информации: этимологию топонимов, притчи и легенды народов Кавказа, имена творческих личностей (прозаиков и поэтов, художников и архитекторов, специалистов разных областей науки, среди которых представители разных народов нашей страны, включая жителей Кавказа).

Пожалуй, те же чувства можно было бы обнаружить и у другого ученого, о котором уже было сказано в начале данного исследования, – у Ю.А. Гвоздарева. Но его приверженность к Кавказу не выражалась в эссе, зарисовках, художественных произведениях. Она проявилась в другом ключе, лингвокультурологическом.

Будучи известным в России и за рубежом специалистом в области фразеологии и паремологии русского языка, Ю.А. Гвоздарев имел обширные научные контакты с учеными разных регионов России. Конечно же, среди них были многие лингвисты Юга страны, в том числе Кавказа, Закавказья, Крыма, Средней Азии. Можно назвать, в частности таких фразеологов, как Ю.Ю. Авалиани, А.Г. Багатурова, М.М. Магомедханов, И.Ю. Алироев, А.Г. Гюльмагомедов, Б.М. Карданов, Н.Я. Сакиев, Р.С. Сакиева, С.Г. Гаджиева, С.Н. Гасанова, З.У. Блягоз, Ю.А. Тхаркахо, М.Т. Тагиев, А.М. Эмирова, Л.И. Ройзензон и др. Активные научные контакты с учеными Кавказа, в первую очередь, Северного, приводили к плодотворным дискуссиям на научных конференциях по общей и сопоставительной фразеологии, к публикации материалов во фразеологических сборниках, где Ю.А. Гвоздарев выступал в качестве то одного из авторов, то члена редакционной коллегии [см., напр.: 10–12].

Одним из успешных проектов, инициированным в Северо-Кавказском научном центре высшей школы Ю.А. Ждановым [13, с. 13] и реализованным коллективом северокавказских языковедов под руководством Ю.А. Гвоздарева, было составление сборника «Пригоршня жемчужин. Пословицы и поговорки Северного Кавказа» [14]. Название сборника предложил Ю.А. Жданов.

В издание вошли чеченские, ингушские, кабардинские, черкесские, аварские, лакские, агульские устойчивые фразы дидактического характера, которые собрали, обработали и перевели на русский язык ученые северокавказских вузов. С именами исследователей Ю.А. Гвоздарев знакомит читателя во вводной статье, названием для которой послужила фраза В.И. Даля – «Свод народной опытной премудрости»: «Чеченские и ингушские пословицы и поговорки подготовил профессор И.Ю. Алироев, лезгинские – профессор А.Г. Гюльмагомедов, кабардинские и черкесские – доценты Н.Я. Сакиев и Р.С. Сакиева, аварские – доцент М.М. Магомедханов, лакские – преподаватель С.Г. Гаджиева, агульские – преподаватель С.Н. Гасанова» [14, с. 10–11]. Наряду с этим, его материалом послужили и изречения, ранее опубликованные в 14 сборниках осетинских (дигорских), кабардинских, ингушских, чеченских народных изречений и фразеологических словарях аварского, кабардинского, лезгинского языков. Часть из этих устойчивых фраз уже была переведена на русский язык до составления рассматриваемого сборника, другие

же до того печатались лишь на языках народов Северного Кавказа.

Работа по составлению сборника велась не один год, а с теоретических позиций она выполнялась с учетом основных положений Ростовской фразеологической школы, главой которой был Ю.А. Гвоздарев. Ориентир на терминосистему, свойственную данной школе, предполагал необходимость включения в издание только единиц со структурой предложения и отграничения от них собственно фразеологизмов как устойчивых раздельнооформленных единиц, соотносимых формально с фрагментом предложения, а в логическом плане – с понятием.

Осознание того факта, что язык любого этнокультурного сообщества, которое контактирует с другими подобными сообществами, вольно или невольно отражает результаты взаимодействия носителей языков и делает это быстрее всего через присвоение чужих языковых знаков, привело составителя сборника пословиц и поговорок к решению включить в него не только исконные для отдельных языков населения Северного Кавказа паремии, но и явные заимствования, которые, тем не менее, бытуют в речи местных жителей. И тут он отмечает два возможных варианта процесса вхождения пословицы или поговорки из одного языка в другой. Если идея, реализуемая потенциально дидактическим высказыванием, в целом созвучна принимающему этническому сознанию, происходит ее дословный перевод, и в таком виде изречение приживается в языке-реципиенте. К примеру, в чеченском языке отмечается пословица, которая и по общему значению, и по семантике составляющих ее слов эквивалентна русской – *Пеший конному не товарищ*; в лакском аналогично русскому бытует фраза *Знание – богатство*. Однако нередко случаи творческой корректировки таких заимствуемых устойчивых фраз, которая позволяет расставить значимые для принимающей лингвокультуры акценты. Ю.А. Гвоздарев приводит два примера.

В русском языке существует пословица *Дареному коню в зубы не смотрят*. Чеченцы добавляют важную деталь, указывая, что так делают, если подарок сделан другом: *Дареному другу коню в зубы не смотрят*. Подобное уточнение создает семантический сдвиг. Если в русском языке просто сообщается, что надо быть благодарным за любой подарок, «не выражают недовольства подаренной (или доставшейся даром) вещью» [15, с. 95], то чеченцы подчеркивают, что надо ценить внимание друга.

Вторая фраза известна русским в форме *Рука руку моет*. Иногда к ней добавляется продолжение, которое позволяет отчетливее понять направленность образа, – *и обе белы бывают*: «Один другого покрывает в каких-л. нечестных делах» [15, с. 276]. В лакском языке, куда пословица вошла без расширяющей ее второй части, произошло лексико-семантическое преобразование, вызванное тем, что появилась своя, иная расширяющая часть. Буквально по-русски лакская фраза звучит так: *Рука руку моет, а обе – лицо*. Гвоздарев дает комментарий: «Добавление второй части снимает налет ироничности, свойственный русскому варианту, а вся пословица приобретает значение необходимости взаимного содействия» [14, с. 8].

Поскольку пословицы и поговорки выражают единую логику человеческого мышления, Ю.А. Гвоздарев в «Пригоршне жемчужин» пользуется подходом, который был предложен известным паремиологом Г.Л. Пермяковым, рекомендовавшим распределять устойчивые фразы в многоязычном собрании по тематике. В рассматриваемом издании изречения разделены на 25 оппозитивных групп. При этом большая часть объединений (19 из 25) получила названия в виде пары лексических антонимов, ср.: «Родина – чужбина», «Жизнь – смерть», Труд – безделье», «Дружба – вражда», «Добро – зло» и т.д. Однако в случае нетождественности концептов, которые маркируются лексемами, в языках народов Северного Кавказа по сравнению с русским, в названия чаще вносятся пары поясняющих слов, ср.: «Счастье (удача) – несчастье (неудача)», «Простота (правдивость) – хитрость (обман)», «Знание (умение) – незнание (неумение)». Но возможно и противопоставление, которое выявляет особенный поворот в оценке явления в психологии северокавказских народов по сравнению с русским. Так, в оппозицию одной группы включены слова «Доброта – жадность». В русском языке, как кажется, доброта должна противопоставляться злобности, а жадность – щедрости. Но собранные в группе паремии сообщают, в частности, о том, что доброта реализуется в щедрости в ситуации, когда проявляющий ее субъект сам испытывает материальные затруднения, находится в стесненных обстоятельствах, ср.: «Нищий адыг и тот угостит пастой с солью (каб.-черк.)»; Идти только по пути выгоды мужчине не подобает (*осет.*)» [14, с. 98]. В одной тематической подборке принцип противопоставления понятий заменен принципом сопоставления суждений (которые, впрочем, не являются анто-

нимичными, поскольку не отрицают друг друга, а лишь указывают на одно и то же отношение к сути материального достатка): «Богатство (достаток) – благо, бедность – зло». Наконец, есть и одна такая тематическая группа, в наименование которой вошли три лексемы в соответствии со значимостью трех этапов человеческого бытия: «Прошлое – настоящее – будущее».

В каждой тематической подборке паремийный материал не разделен по языкам, а подчинен группировке с учетом логем – обобщающих высказываний, под которые можно подвести конкретные пословицы и поговорки в соответствии с маркируемыми ими ситуациями или отношениями между некими сущностями. Перечни логем сведены в указатель, завершающий сборник и являющийся удобным ориентиром, демонстрируя аксиологическое своеобразие философии лингвокультур, в рамках которых бытуют включенные в издание паремии. Уже по этим лаконичным формулировкам можно осознать, в каких типовых ситуациях суждения северокавказских народов в целом не отличаются от русского, а в каких – присутствует акцентуация, позволяющая увидеть некоторые различия. Примером первого может служить набор логем тематической группы 18 «Начало – конец»: «18.1. Начало и конец связаны. 18.2. Какое начало, такой и конец (продолжение). 18.3. Конец не такой, как начало: лучше или хуже. 18.4. Начало трудное (важное в деле). 18.5. Если начал, нужно продолжать» [14, с. 155]. Пример второго – тематическая подборка 16 «Гость – хозяин», одна из логем которой формулируется следующим образом: «Гость – зло, но обычай требует его уважать» [14, с. 154].

Объем сборника «Пригоршня жемчужин» невелик: сами перечни паремий разместились менее чем на 140 страницах. Однако цель его составления и публикации видится как очень значимая, ведь в работе над ним укреплялись связи филологов-лингвокультурологов Северного Кавказа, а сам сборник оказывался в практическом ключе полезен как источник материала тем исследователям языков народов Северного Кавказа, которые вели сопоставительные паремиологические исследования, не владея совокупностью языков народов рассматриваемого ареала [см., напр.: 16–18]; и др.

Естественно, лингвокультурологические разработки велись на Кавказе многими филологами и до публикации «Пригоршни жемчужин», но влияния Ю.А. Гвоздарева в этом плане на ученых региона нельзя не заметить.

Даже если посмотреть только электронную базу eLIBRARY.RU, в ней можно обнаружить, что труды ученого в области фразеологии и паремиологии уже в XXI столетии продолжают цитироваться в изысканиях более чем двух десятков кавказских лингвистов. Естественно, что в поле зрения этих специалистов попадают составные языковые знаки и языков индоевропейской семьи (английского, латинского, немецкого, русского, французского), и тюркских (азербайджанского, турецкого, узбекского), но есть и исследования, обращенные к языкам Северного Кавказа, например, даргинскому и лакскому [19], даргинскому и аварскому [20].

Подводя итог обзору той роли, которую Кавказ играл в жизни Ю.А. Жданова и Ю.А. Гвоздарева – с одной стороны и той кавказской проблематики, которой они уделяли внимание в своем творчестве – с другой, можно подчеркнуть главное: оба этих ученых, независимо от очевидного различия профессиональных интересов, любили Кавказ и всемерно способствовали его развитию как гуманитарии. При этом Ю.А. Жданов смотрел на этот локус как культуролог, публицист и художник, а Ю.А. Гвоздарев осмыслил воплощение в лингвокультурах населяющих Кавказ народов их этноокрашенной аксиологии (включая этику и эстетику) и психологии. Деятельность этих мыслителей способствовала развитию и укреплению межэтнического взаимодействия жителей Юга страны и реализации Ростовским государственным университетом, правопреемником которого стал Южный федеральный университет, его миссии, которая виделась в то время как сохранение и развитие научно-образовательной среды, обеспечивающей формирование граждан, призванных наилучшим образом служить России.

Список источников

1. Город Ростов-на-Дону // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/20/> (дата обращения: 09.10.2025).
2. См.: Демешина Е.И., Хмелевский К.А. История Донского края. 2-е изд., доп. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1983. 112 с. С. 74.
3. Жданов Ю.А. Концепция культуры в трудах В.И. Вернадского // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 19–24.
4. См.: Загутина А.М. В ЮФУ состоялась презентация антологии современной поэзии народов Кавказа «Мир Кавказу» // Южный федеральный

- университет. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/73700> (дата обращения: 09.10.2025).
5. Волков Ю.Г. Предисловие // Жданов Ю.А. Диалоги с природой. Ростов-н/Д: ИППК ЮФУ, 2009. С. 3–13.
 6. Кислицын С.А. Юрий Жданов – гений места (genius loci): Ростова, Дона и Северного Кавказа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2024. №3 (223). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuriy-zhdanov-geniy-mesta-genius-loci-rostova-dona-i-severnogo-kavkaza> (дата обращения: 02.11.2025).
 7. Жданов Ю.А. Диалоги с природой. Ростов-н/Д: ИППК ЮФУ, 2009. 264 с.
 8. Кузнецов С.А. (гл. ред.) Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: «Норинт», М.: «РИПОЛ классик», 2008. 1536 с. С. 1236.
 9. Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 4. С. 25–44.
 10. Вопросы общей и дагестанской фразеологии: Межвузовский тематический сборник / отв. ред. А.Г. Гюльмагомедов. Махачкала: Дагестанский ордена Дружбы народов государственный университет им. В.И. Ленина, 1984. 162 с.
 11. Исследования по общей и дагестанской фразеологии: Межвузовский тематический сборник научных статей / отв. ред. А.Г. Гюльмагомедов. Махачкала: Дагестанский ордена Дружбы народов государственный университет им. В.И. Ленина, 1989. 160 с.
 12. Общая и дагестанская фразеология. Исследования и материалы: Межвузовский научно-тематический сборник / отв. ред. А.Г. Гюльмагомедов. Махачкала: Дагестанский ордена Дружбы народов государственный университет им. В.И. Ленина, 1990. 128 с.
 13. Титаренко И.Н. Ю.А. Жданов и его междисциплинарный издательский проект реализации гуманистической миссии науки (к 25-летию журнала «Научная мысль Кавказа») // Научная мысль Кавказа. 2019. № 4 (100). С. 9–15.
 14. Пригоршня жемчужин. Пословицы и поговорки народов Северного Кавказа / сост. и авт. вступ. статьи Ю.А. Гвоздарев. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1988. 160 с.
 15. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 11-е изд., стереотип. М.: Русский язык – Медиа, 2004. 539 с.
 16. Савенкова Л.Б. Паремнологический фонд как отражение этнической системы ценностей (на материале пословиц и поговорок русского народа и народов Северного Кавказа) // Русский язык и языки народов России: функциональное и структурное взаимодействие. Материалы международной научно-практической конференции (г. Владикавказ, 26–27 ноября 2001 г.). Владикавказ: Ремарко, 2002. С. 55–58.
 17. Карданова А.К. Опосредованная интерференция коммуникативных категорий (на материале категории «толерантность») // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 98–101.
 18. Гасанова М.А. История паремнологических исследований дагестанских языков // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1341. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16949> (дата обращения: 30.10.2025).
 19. Мутаева С.И., Мишаева М.В. Экспрессивно-устойчивые сочетания негативного характера даргинского и лакского языков // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. № 4. С. 82–89.
 20. Азизова С. М. К вопросу о сопоставительной фразеологии // Мир науки, культуры, образования. 2022. №1 (92). С. 238–240.

References

1. City of Rostov-on-Don // Official Portal of the Government of Rostov Region. URL: <https://www.donland.ru/activity/20/> (accessed: 09.10.2025). (in Russ.).
2. See: Demeshina E.I., Khmelevskiy K.A. History of the Don Region. 2nd ed., enlarged. Rostov-on-Don: Rostov publishing house, 1983. 112 p. P. 74. (in Russ.).
3. Zhdanov Yu.A. The Concept of Culture in the Works of V.I. Vernadsky // Scientific Thought of Caucasus. 1995. N. 1. P. 19–24. (in Russ.).
4. See: Zagutina A.M. Presentation of the Anthology of Modern Poetry of the Peoples of the Caucasus “World to Caucasus” Held at SFU // Southern Federal University. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/73700> (accessed: 09.10.2025). (in Russ.).
5. Volkov Yu.G. Preface // Zhdanov Yu.A. Dialogues with Nature. Rostov-on-Don: IRAT SFU, 2009. P. 3–13. (in Russ.).
6. Kislitsyn S.A. Yuri Zhdanov – The Genius Loci of Rostov, the Don and the North Caucasus // Proceedings of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Series: Social Sciences. 2024. N.3 (223). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuriy-zhdanov-geniy-mesta-genius-loci-rostova-dona-i-severnogo-kavkaza> (accessed: 02.11.2025). (in Russ.).
7. Zhdanov Yu.A. Dialogues with Nature. Rostov-on-Don: IRAT SFU, 2009. 264 p. (in Russ.).
8. Kuznetsov S.A. (ed.). The Newest Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: “Norint”, Moscow: “RIPOL klassik”, 2008. 1536 p. P. 1236. (in Russ.).
9. Zhdanov Yu.A. The Solar Plexus of Eurasia // Social and humanitarian knowledge. 1999. N. 4. P. 25–44. (in Russ.).
10. Issues of General and Dagestani Phraseology: An Inter-University Thematic Collection / ed. by A.G. Gyulmagomedov. Makhachkala: Dagestan Or-

- der of Peoples' Friendship V.I. Lenin State University, 1984. 162 p. (*in Russ.*).
11. Studies in General and Dagestani Phraseology: An Inter-University Thematic Collection of Scientific Articles / ed. by A.G. Gyulmagomedov. Makhachkala: Dagestan Order of Peoples' Friendship V.I. Lenin State University, 1989. 160 p. (*in Russ.*).
 12. General and Dagestani Phraseology. Research and Materials: An Inter-University Scientific-Thematic Collection / ed. by A.G. Gyulmagomedov. Makhachkala: Dagestan Order of Peoples' Friendship V.I. Lenin State University, 1990. 128 p. (*in Russ.*).
 13. Titarenko I.N. Yu.A. Zhdanov and His Interdisciplinary Publishing Project for Realizing the Humanistic Mission of Science (On the 25th Anniversary of the Journal "Scientific Thought of Caucasus") // Scientific Thought of Caucasus. 2019. N. 4 (100). P. 9–15. (*in Russ.*).
 14. A Handful of Pearls: Proverbs and Sayings of the Peoples of the North Caucasus / comp. and with an intro. article by Yu.A. Gvozdev. Rostov-on-Don: Publishing house of Rostov University, 1988. 160 p. (*in Russ.*).
 15. Zhukov V.P. Dictionary of Russian Proverbs and Sayings. 11th ed., stereotypical. Moscow: Russian language – Media, 2004. 539 p. (*in Russ.*).
 16. Savenkova L.B. The Paremiological Fund as a Reflection of the Ethnic Value System (Based on Proverbs and Sayings of the Russian People and the Peoples of the North Caucasus) // The Russian language and the languages of the peoples of Russia: functional and structural interaction. Materials of the international scientific and practical conference (*Vladikavkaz, November 26–27, 2001*). Vladikavkaz: Remarko, 2002. P. 55–58. (*in Russ.*).
 17. Kardanova A.K. Mediated Interference of Communicative Categories (Based on the Category of "Tolerance") // Scientific Thought of Caucasus. 2013. N. 4. P. 98–101. (*in Russ.*).
 18. Gasanova M.A. History of Paremiological Research of Dagestani Languages // Modern Problems of Science and Education. 2014. N. 6. P. 1341. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16949> (accessed: 30.10.2025). (*in Russ.*).
 19. Mutayeva S.I., Mishayeva M.V. Expressive Stable Combinations of Negative Character in Dargin and Lak Languages // Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities. 2018. Vol. 33. N. 4. P. 82–89. (*in Russ.*).
 20. Azizova S.M. On the Issue of Comparative Phraseology // The world of science, culture, and education. 2022. N.1 (92). P. 238–240. (*in Russ.*).

Шифр специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Информация об авторе

Л.Б. Савенкова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150.

Information about the author

L.B. Savenkova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language. Southern Federal University. 150, Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344006.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-16-26

ПЕРСОНОСФЕРА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА: КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЭЛИТАРНОГО ТИПА

Татьяна Владимировна Ульянова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

ulyanova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8943-6921>

Аннотация. Автор продолжает серию статей, посвященных персоносфере Южного федерального университета. Исследуется концепт «семья», нашедший отражение в речевой практике уче-

© Ульянова Т.В., 2025